Любовь по-индийски / повесть

Category: Kitapcy,Powestler
написано kitapcy | 22 января, 2025
Любовь по-индийски / повесть

ЛЮБОВЬ ПО-ИНДИЙСКИ

Эх, взрослые, взрослые!.. Только и слышно, что у вас ни минутки свободного времени. Не задирайте нос и посмотрите вокруг — это не вам, а вашим детям дня не хватает, чтобы всюду поспеть.
Эх, взрослые, взрослые!.. Вечно воображаете, что это только у вас важные, неотложные дела!.. И никак не возьмете в толк, что детям надо сделать в тысячу раз больше вашего!
Эх, взрослые, взрослые!.. Все на свете вы знаете, целый мир вам подвластен, но разве способны вы постичь чудный мир ваших детей!
Их юные души прекрасней индийских красавиц!
Их любовь чиста, как в индийском кино!

При рождении ему дали имя Ильмурат. Этим родители намекали, что сын их рожден, чтобы в нем воплотились желания народа, чтобы стал он всеобщим любимцем. Но когда Ильмурат чуть подрос, имя его каким-то образом незаметно укоротилось. Все стали звать его просто Илли. Илли, так Илли, — когда человеку девять лет, у него чересчур много важных дел и слишком мало свободного времени, чтобы придавать значение таким мелочам.
Сегодня в сердце Илли с утра бушевала буря.
Он принес домой красочный журнал, с обложки которого загадочно улыбалась индийская кинозвезда. Илли не мог оторвать от нее восхищенного взгляда. Никакая сила в мире не могла бы сейчас затмить в глазах Илли красоту индийской актрисы. Впрочем, никто и не пытался этого сделать. Никем не замеченный он прошел в свою комнату и с размаху плюхнулся на кровать. Лег на спину и стал любоваться индианкой. Чем дольше смотрел, тем сильней она ему нравилась. Не только в Саганали, во всем

Лебапе не сышешь равной ей красотою.
Вдруг произошло такое, что заставило Илли мгновенно сесть на кровати: индианка подмигнула ему и при этом глубокий взгляд ее черных глаз наполнился любовью. Он проникал в самую душу, и Илли показалось, что сердце его вот-вот растает. Вот какой удивительной силой обладает любовь! Тахир и Зохра полюбили друг друга еще в колыбели, но это вовсе не означает, что в третьем классе нельзя полюбить так же сильно и страстно, как Тахир.
Илли тоже подмигнул индианке. Она ему не ответила. Но Илли даже не подумал на нее из-за этого обидеться. Разве можно обидеться на любимую?! Илли решил, что отныне чудесная индианка должна красоваться над изголовьем его кровати. Он принес молоток и жмень гвоздей, но успел забить только два из них, как в комнату заглянула его мама Сенем.
— Илли-джан, ты что это задумал? Дом тебе наш не нравится?
— Нет, я просто так, — соврал Илли, пряча молоток, а заодно пытаясь загородить собой портрет индийской кинозвезды.
— На кровати не стой — сетку продавишь.
— Мама, но мне хочется постоять немного на кровати…
— Так. Давай-ка сюда молоток! — Илли подчинился. — А кого это ты за спиной прячешь?
— Девушку… — прошептал Илли, осипшим от волнения голосом.
— Что еще за девушка?
— Очень-очень красивая. Честное слово.
— Зачем же ты ее прячешь, если она такая красивая?
— Скажи, что не будешь ругать, тогда покажу. Ну, скажи, скажи!.. Если ты ее увидишь, то тоже полюбишь! — Внезапно осмелев, он спрыгнул с кровати. — Ну, что, мама?! Правда, она красивей всех на свете?!
Сенем улыбнулась.
— А раньше ты говорил, что твоя мама самая красивая.
Илли смутился, точно его уличили во лжи. Он посмотрел на маму, потом на прекрасную индианку и наконец снова перевел жалобный, молящий взгляд на маму.
— Вы обе красивые!
Откуда было знать Илли, что в детстве человек обладает

удивительной способностью находить и видеть красоту даже там, где ее никто кроме него не замечает. Как жаль, что с годами этот дивный дар утрачивается!

Дети быстро увлекаются, но их увлечения редко бывают продолжительными. Сенем не думала, что интерес Илли к индийской красотке, продлится дольше, чем прочие. Но когда сын, пришедший домой около полудня, до вечера не выходил из своей комнаты и даже не ел, она решила взглянуть на него.

— Илли, что с тобой сегодня? Ничего не ел! И скотина до сих пор не напоена! Забыл о своей обязанности?!

Илли бросил на портрет кинозвезды долгий прощальный взгляд и отправился во двор. Взял ведра, наполнил их водой и понес к загону, но все это время ничего вокруг себя не видел, потому что мысли его были заняты индианкой.

Вдруг Илли прозрел: навстречу ему шла красавица, такая же прекрасная, как и индийская актриса. А какая у нее очаровательная улыбка! Сколько в ней обаяния! И это не какая-то незнакомка, живущая за тридевять земель. Всамделишная девушка, их соседка Тазегуль — вот уж кому имя дали правильно! — настоящий живой цветок.

— Илли-джан, ты зачем столько воды набрал. Надор¬вешься!

— Нет, мне не тяжело, — похвастался Илли. Но этого ему показалось мало, и он добавил: — Я и тебя поднять смогу!

— Какой ты силач, Илли! Хороший мальчик! — сказала девушка, забрала у него ведра и понесла к загону. Илли последовал за ней. Тазегуль вылила воду в корыто, из которого поили овец.

— Тазегуль, если я хороший мальчик, значит я тебе нравлюсь?

— Ну, конечно, Илли-джан. — Тазегуль опустилась перед ним на корточки. Теперь, когда ее лицо оказалось прямо перед его глазами, Илли смог разглядеть каждую его черточку. Но этого ему показалось мало и он нежно прикоснулся кончиками пальцев к ее щеке.

— Ты очень красивая, Тазегуль. Прямо, как индианка.

— Правда?

— Ей Богу! — Илли полоснул себе по горлу большим пальцем, точно бритвой. — Когда я вырасту, все за тебя делать буду. Ладно?

— Хорошо, Илли-джан! А я красивой стала только теперь, когда помогла тебе воду принести?
— Нет! — возмутился Илли. — Ты всегда красивой была, просто я не говорил.
— Ладно, Илли-джан. Если потребуется моя помощь, говори, не стесняйся. Я тебе всегда помогу.
Илли кивнул.
— Только никому не болтай, что я тебе помогала.
— Замок!
— Что такое «замок»?
— Ей Богу! — сказал Илли и снова коснулся щеки Тазегуль. — Ты меня правда любишь?
— Ну, конечно! — Тазегуль поднялась и пригладила Илли волосы. — Ты же хороший мальчик. Правда?
— Правда.
— Нужна будет помощь — только скажи…
— Нет, не скажу. Все буду сам делать. Красавицам не пристало работать.
Илли смотрел вслед уходящей Тазегуль и радовался, что последнее слово в этом разговоре осталось за ним. «Красавицам не пристало работать» — это речь настоящего мужчины, с гордостью думал Илли. Как хорошо, что эти слова пришли ему в голову. Одно лишь огорчало сейчас Илли: Тазегуль вот-вот скроется из виду.
Кто скажет, почему счастье длится лишь одно короткое мгновенье, а потом приходится очень долго жить воспоминанием о нем? Вот было бы здорово, если бы счастье и воспоминания поменялись местами! Тогда мгновения счастья тянулись бы долго-долго…
— Ты что стоишь тут, рот раззявив? — Сенем бросила в кормушку большущую охапку сена, и тыльной стороной ладони стерла пот со лба. — Тазегуль что тут делала?
— Тазегуль? — Илли удивленно выпучил глаза. — Ты ее видела?
— Видела. Она зачем приходила?
— А-а-а, Тазегуль… Время спросила…

Ошибается тот, кто думает, что в маленькой груди ребенка не

поместится настоящая большая любовь. Скорей уж наоборот: тесной для нее может оказаться грудь взрослого. Ведь чем дольше живешь на свете, тем меньше любви тебе достается.
Илли любит не только индийскую актрису и Тазегуль. В школе он влюбился в свою учительницу. Овадан-мугалыма такая красивая, что Илли сколько ни смотрит на нее – не может налюбоваться. Эта новая любовь подействовала на него очень дисциплинирующе. Кому захочется краснеть, слушая упреки любимой?! Вот и приходится стараться. Отец и мать не нарадуются, глядя как он теперь корпит над уроками.
Но…как легко обидеть влюбленного, как просто ранить его беззащитное сердце!
Эх, да разве обо всем расскажешь!..
А все Овадан-мугалыма!..
Впрочем, если быть справедливым, не одна она виновата.
Началось с того, что после уроков Илли увязался вслед за учительницей, чтобы полюбоваться ее легкой чарующей походкой.
Верно взрослые говорят, что золоту хозяин быстро найдется. Совсем недолго шла Овадан-мугалыма в одиночестве. В квартале от школы ее поджидал стройный, плечистый парень. Сначала они о чем-то поговорили, и Овадан-мугалыма весело смеялась. А потом она взяла парня под руку и пошла рядом с ним.
При виде этого кулаки у Илли сжались сами собой, и он так прикусил губу, что во рту стало солоно от крови. Когда учительница скрылась из виду, Илли побежал туда, где она недавно стояла рядом с парнем, и в ярости стал топтать их следы. Внезапно в голову ему пришел план мести. Илли огляделся. Его внимание привлек тутовник, окруженный зарослями тамариска, и он направился к ниму, собирая по пути камни.
Это только взрослым по силам совладать со вспышкой гнева, только взрослые, поразмыслив, могут отказаться от своих первоначальных намерений. Если что пришло в голову ребенку, то это и палкой оттуда не вышибишь. План мести так завладел всеми помыслами Илли, что он даже забыл поговорить перед сном с индианкой. На уроках Илли не находил себе места. А как только прозвенел последний звонок, он побежал к своему тутовнику.
Как и предполагал Илли его соперник был уже на месте. Вскоре

показалась и Овадан-мугалыма. Парень приветливо помахал ей рукой, и в тот же миг на него обрушился град камней. Сначала он пытался защиться от них, размахивая руками, словно на него напал пчелиный рой, но потом сдался и побежал навстречу Овадан-мугалыме. Трус спрятался от камней за спиной учительницы!
Овадан-мугалыма решительно направилась к зарослям тамариска. Но там ей удалось обнаружить только приготовленные для атаки комья глины и гору камней. Она и вообразить прежде не могла, что в Саганали их можно насобирать столько…
О-о, гнев даже из ничего может сделать гору!..

Домой Илли вернулся совсем без настроения. И как всегда, если у человека нет настроения, ему обязательно встретится кто-то, у кого насторение очень даже хорошее. Этим «кто-то» оказался старший брат Илли — Ашир.
— Что, братик мой дорогой, голову повесил? Двойку схватил? А может, кто обидел моего любимого братца? Ты только скажи!.. Мы враз проучим того, кто посмел омрачить твое счастливое детство! Кто этот несчастный?
— Никто… — буркнул Илли. Что еще мог он сказать?! Не рассказывать же Аширу о его несчастной любви к Овадан-мугалыме.
Эх, дети, дети!.. Они ужасные собственники. Если что-то им понравилось (вещь или человек — не важно!), то это только им одним и должно принадлежать безраздельно — они убеждены в этом. Такой порядок вещей кажется им вполне естественным. И поэтому, когда жизнь идет не совсем так, как им хочется, начинает казаться, что весь мир оказался на краю гибели. Поверьте, в этой ситуации довольно странно встретить веселого и беспечного человека!
А Ашир все не унимался.
— Илли-джан, а ну-ка посмотри на меня внимательно!
— Ну!
— Как я выгляжу. Все в порядке? А прическа?…
— Ты куда это собрался?
— В кино, братец мой симпатичный. Индийский фильм сегодня.

— Индийский?.. Возьми меня!
— Маленький еще на индийские фильмы ходить.
— Ты же меня брал раньше!
— А на этот — нельзя. Детям до шестнадцати лет смотреть категорически запрещено. — И Ашир щелкнул Илли по носу. — Подрасти немножко.
Никогда в жизни не было прежде у Илли такого ужасного дня. Он прошел в свою комнату, бросил портфель в угол и повалился на кровать. Даже улыбка индийской кинозвезды сегодня его не радовала.
— Надо мной смеешься, да? — унылым голосом спросил Илли. Индианка ничего не ответила, но улыбка ее (так ему показалось) сделалась еще шире. Это окончательно вывело Илли из себя. — Рот до ушей, хоть завязочки пришей! — Илли показал индианке язык, а потом встал и перевесил портрет лицом к стене. — Вот теперь улыбайся, сколько тебе хочется!
Но от этого на сердце стало еще тяжелей. Он упустил свою Овадан-мугалыму… Коварная индианка смеется над ним… Тазегуль — вот его отрада, вот его спасение! Хоть одним глазком взглянуть на нее!..
Сказано — сделано! Он решил проникнуть в соседний двор со стороны сада. Там, укрывшись за деревьями, он сможет сколько угодно наблюдать за домом и, возможно, увидит в светящемся окне милый силуэт Тазегуль.
Но вышло не совсем так, как он себе представлял.
Илли увидел Тазегуль, как только пробрался в соседский сад. Но рядом с нею стоял Ашир и что-то шептал ей…

Тайна хороша тем, что кроме тебя о ней никто не знает. Но, с другой стороны, много ли в ней проку, если никто не знает, что у тебя есть тайна. Сложность еще в том, что лишь бы кому тайну не откроешь, но выговориться-то хочется. А если рассказать обо всем Айхану просто так, без подготовки, у того, чего доброго может сложиться впечатление, что Илли просто-напросто болтун. Нелегкую задачу предстояло решить.
Они возвращались из школы, и Айхан рассказывал последние новости, когда Илли перебил его на полуслове:

— Эх, Айхан, жаль не можешь ты хранить секретов. А то бы я рассказал тебе кое-что…
— Я не могу хранить секретов?! — Айхан даже задохнулся от возмущения. — Я хоть раз тебя предал?
— Вообще-то нет. Но это такая тайна, Айхан…
— Ты же знаешь: я — замок!..
— Солью поклянись!
— Клянусь солью! — точно эхо откликнулся Айхан.
— Все равно не скажу! — Илли с шумом втянул в себя воздух, прочищая забитый соплями нос.
— Ты, вообще, не мужчина, — обиделся Айхан. — Подавись своей тайной. Очень надо. Только зачем ты меня клясться заставил? Поклянись, поклянись… Я тебя просил что ли рассказывать?.. Даже слушать твой секрет не хочу!
— Ты не знаешь, что это за тайна. — Илли, которого его знание тяготило не меньше, чем Айхана — любопытство, подошел поближе к приятелю.
— Не хочу тебя слушать. Говори, что тебе угодно! — Айхан с вызовом заткнул уши пальцами. Но не очень плотно.
— Ты же не знаешь, что я видел.
— И знать не желаю.
— Эх, ты!.. А я своими глазами… Побожись, что никому не скажешь!
— Ей-богу!
— Так и быть. Я своими собственными глазами видел, как Ашир держал в своих руках руку Тазегуль.
— Врешь! — На лице у Айхана появилась дурашливая улыбка и казалось, что он сейчас закричит во весь голос.
— Клянусь! Видел, ну, как тебя сейчас.
— Да-а, силен твой братан. Тазегуль красивая. Все говорят, что она как пери.
— Вот. А он стоял с этой пери и за руку ее держал. Честное слово. А Тазегуль смотрела на него и улыбалась.
— А потом? Он обнял ее?
— Такое сразу не делается. Даже этого не знаешь.
— Теперь Ашир женится на Тазегуль.
— Конечно. Свадьбу справим. Я от братана ни на шаг не отойду.

— Не отойдешь… Да тебя вытурят, как пешку.
— Кто вытурит?
— Братан твой вытурит!
— Нет, он меня любит.
— Тазегуль он любит!
Илли не нашел, что ответить. Он помолчал, потом снова с шумом втянул в себя сопли и сказал:
— Тазегуль глядит на братана и молчит. А потом Ашир ей что-то сказал, и она ему улыбнулась.
— Я знаю, что он сказал. «Я люблю тебя, Тазегуль. Давай поженимся!»
Илли пропустил эту реплику мимо ушей.
— Ашир ходит и молчит, будто ничего не случилось, — сообщил он.
— Ты сказал братану, что видел их?
Узнать ответ Айхану не удалось.
— Илли! Эй, Илли! — донеслось до них из-за забора.
— Братан! Смотри, Айхан, никому ни слова!
— Я что, не мужчина, — Айхан ударил себя кулаком по груди. — Замок! — И мечтательно добавил: — Ох, и наедимся баранины. Ты попроси отца, чтобы голову нам дал.
— Илли! Бегом сюда!
— Иду! — крикнул Илли и пошел не то, что медленно, а едва передвигая ноги. — Раскричался: «Илли! Илли!».
— Что с тобой?! На солнце перегрелся?
— Со мной-то ничего. Может с тобой что-то случилось?
— Ты поменьше чирикай, а беги маме помогать. Хвороста принеси к тамдыру.
— Сам принесешь!
— По лбу хочешь?
— Попробуй, если смелый! Сразу все маме расскажу. И ей тоже…
— Кому ей? — осведомился Ашир, и не дождавшись ответа, сказал примирительно. — Ты, братишка, уже большой, куда не положено, соваться не должен. И маме нужно помогать.
— Вот и помогай! А я и маме скажу, и папе. Все расскажу! Я своими глазами видел. Мама! Мама! — закричал Илли. — Наш Ашир…

— Илли-джан, ты что разорался? — Ашир обнял брата за плечи.
Илли скинул его руку.
— Нечего меня обнимать! Обнимай… — Илли на всякий случай отступил подальше. — Ее обнимай!
— Ну-ка, стой! Скажи, что ты видел?
— Все видел.
— Ты это о чем?
— Не притворяйся! — лукаво улыбаясь сказал Илии и погрозил старшему брату пальцем. Вчера вечером я все видел. Как ты ее за руку держал. И еще кое-что. Сказать?
— Ладно, верю. Ты у нас глазастый. Только смотри, не болтай никому. Ты же мужчина!
— Побьешь — всем расскажу!
— Чего мне тебя бить? Ты же, Илли-джан, мой любимый братишка. Никому об этом не говорил?
— Говорил.
— Кому?! — Лицо Ашира побледнело.
— Айхану. Но он — замок! Солью поклялся.
— И ты поклянись, что больше никому не скажешь.
Вместо того, чтобы клясться, Илли спросил:
— Братан, ты теперь на Тазегуль женишься, да? А мне она кем будет? Тетей? Ой, мне страшно!
— Почему тетей? Невесткой. Женой твоего старшего брата. Потом она и тебе хорошенькую умную невесту подышет.
— Дай я тебя обниму, Ашир! — Илли повис на шее у брата и вдруг заплакал.
— Ты чего, дурачок?!
— Ну, братан, ты силен. Только ты обязательно на Тазегуль женись, ладно. Она такая красивая. А я все, что ты скажешь, делать буду. А мне ее как называть надо? Гельнедже? Нет, я лучше буду говорить Тазегуль.
— Ладно. А сейчас ступай, притащи хворост. Мама сейчас выйдет и будет ругать тебя, за то, что до сих пор хворост не принес.
— Я все сделаю, только ты на Тазегуль женись!
— Тихо ты! Не ори. И по имени ее не называй, а то еще кто услышит.
Илли убежал вглубь двора за хворостом, но почти сразу же

вернулся обратно с пустыми руками и еще на ходу крикнул брату:
– Ишь ты, какой умный! И на Тазегуль жениться хочешь, и чтобы я все за тебя делал. Сам хворост таскай!
– Да, ну тебя!.. Ты же сам сказал, что все сделаешь. Слово держать не можешь. Тогда и говорить не надо было, – раздосадованный Ашир нехотя поплелся за хворостом.
– Ашир-джан, что, больше некому дрова принести? – крикнула с порога Сенем-эдже, которая как раз в это время вышла из дома.
– Сказал бы Илли.
– Братан сам принесет. Он у нас, мама, знаешь какой сильный.
– А тебе не стыдно бездельничать и смотреть, как старшие работают?
– Ничего, он знаешь какой сильный? – Илли дождался, когда Ашир подойдет поближе, и громко, чтобы брат наверняка его услышал, сказал: – Мама, ты знаешь, наш Ашир…
– Заткнись! – крикнул Ашир, бросая охапку хвороста рядом с тамдыром.
– Не кричи на меня. Дрова носи!
– Ты что это тут раскомандовался?!
– Ладно, мама! Я ему обещал, – вступился за братишку Ашир. – Смотри, Илли… Я иду за хворостом…
Когда Ашир скрылся за углом дома, Сенем-эдже, заглядывая в глаза Илли, сказала:
– Маму, Илли, обманывать нельзя. Если что узнал – скажи. Я все равно все по твоим глазам вижу.
Илли потупился, но промолчал.
В это время Ашир принес еще одну охапку хвороста. Разгрузившись, он схватил себе подмышку Илли и побежал вместе с ним на задворки, где хранился хворост.
– Ты мужчина?
– Мужчина.
– Тогда никому ничего не говори. Я тебе пообещал, что принесу дрова, – вот, ношу…
– Ладно, брат, никому не скажу. Замок! – поклялся Илли, а маленькое его сердечко забилось часто-часто и даже заныло от невозможности выплеснуть переполнявшую его тайну.

Как ему хотелось, чтобы все в Саганали узнали, о том, что его старший брат Ашир и красавица Тазегуль встречаются! Но увы!.. Он дал клятву молчания, и теперь… Впрочем, смекнул Илли, на Айхана эта клятва не распространяется, и он стрелой помчался к Воровскому холму, где обычно встречался со своим приятелем.

Айхана он обнаружил в стороне от остальных ребят, что играли на холме. Тот лежал на спине, заложив руки за голову, и его безучастный ко всему взгляд был устремлен в бесконечность блекло-голубого неба.

— Чего валяешься? — без лишней деликатности осведо¬мился Илли.

— Настроения нет, — Айхан печально вздохнул. — Я тебе честно хочу сказать, Илли. Я люблю Тазегуль. Правда, правда. Всем сердцем ее люблю. Она мне даже снится. Вроде собираем мы вместе цветы возле старой туранги. Я даю ей букет и говорю: «Ты красива, как эти цветы! Твои папа и мама угадали, когда назвали тебя Новым Цветком». А она прижала букет к груди и говорит: «Ты хороший мальчик, Айхан. А то, что маленький еще, это ничего». А потом мы бежим вместе по лугу…

— Дурак ты, Айхан. Если братан услышит — убьет тебя.

— Ну и пусть. Без нее мне жизнь не нужна.

— Да она и не знает про твой сон. Она любит моего брата.

Айхан кивнул, потом сел, посмотрел по сторонам и вдруг крикнул, но не во весь голос, а тихо, чуть ли не шепотом:

— Эй, люди! Тазегуль любит Ашира!

— Тихо ты!

— Так ведь нет никого. А мне так хочется, чтобы все об этом узнали.

— И мне, — признался Илли.

— Так давай вместе покричим.

— Что?

— О том, что Тазегуль любит Ашира.

Они покричали, правда, почти беззвучно. Потом Айхан сказал:

— Интересно, о чем они говорят? — И не дожидаясь ответа, принялся фантазировать. — Братан твой, наверно, говорит: «Я тебя люблю!», а она ему: «Если умру — буду земле принадлежать, если нет — тебе!».

— Они сто часов говорили!
— Сто часов?!
— Ага. Может даже больше. Долго-долго разговаривали.
— Слушай! На свадьбе не будем невесту пропускать, а что дадут — разделим поровну.
— Здорово! Папе скажем: «Раскошеливайся, а то свадьбу не пропустим!», а он нам скажет: « Ну-ка, орлы, подставляйте свои подолы!»
И хотя пока подолы их рубах только свежий ветерок раздувал, приятели развеселились так, точно уже взяли выкуп за невесту.
Когда вечером вся семья собралась за ужином, Илли сидел с видом заговорщика, изредка ухмылялся, и, глядя на него, всякий бы догадался, что ему известна какая-то тайна. Больше всего ему хотелось заставить Ашира поволноваться, но как сделать это, не нарушая клятвы, он пока не придумал. Когда Ашир наливал ему чай, Илли сначала подмигнул брату, а потом выразительно перевел взгляд на отца, как бы спрашивая, не сказать ли обо всем отцу? Ашир угрожающе нахмурил брови и, запрещая, качнул головой, мол, только пикни! Однако запрет Илли только раззодорил.
— Папа!
— Что, сынок?
— Мой братан силен…
— Все мои сыновья сильные! — сказал отец, занятый своими заботами.
Ашир толкнул брата локтем в бок.
— Илли!
— Не бойся, — прошептал ему Илли. — Я же сказал — замок!
Отец не обратил внимания на эту возню. Он отставил пиалу и сказал, обращаясь к жене:
— Позови завтра всех, кто согласен помочь.
— Не тревожься, отец, если узнают, все придут помогать. Я уже некоторым соседкам сказала. С утра придут.
Ночью Илли приснилась Тазегуль. С счастливой улыбкой на губах она стояла рядом с Аширом и держала его за руку. Потом Ашир ее обнял, но, что произошло дальше, Илли увидеть не успел: на самом интересном месте его разбудила мама.

— Илли-джан, сынок, просыпайся… Разве мальчик, у которого брат женится, может так долго спать?
Сон точно рукой сняло. Илли сбросил одеяло, сел и, удивленно вытаращив глаза, спросил:
— Кто женится?
— Ашир! Завтра свадьба будет. У тебя сегодня мно-ого дел. Ты и Айхан-джан, вы вдвоем, должны всех односельчан на свадьбу пригласить. Всем-всем скажите, что завтра у нас той.
— Кто тебе сказал, мама? Кто?!
Сенем-эдже удивленно посмотрела на сына.
— Что такое, сынок?
— Не обманывай! Кто тебе сказал, что Ашир и Тазегуль любят друг друга? Айхан, да?!
— С чего ты взял, что Айхан?
— Доносчик! Проболтался!..
— Да успокойся ты! Зачем из доброго известия тайну делать? Наоборот, пусть все знают и радуются вместе с нами.
— Предатель! Не мужчина он, не мужчина! — Илли вскочил и с глазами полными слез выбежал из дома. Через минуту он был уже у соседей.
— О-о, Илли-джан! — улыбнулась ему мама Айхана. — На той нас звать пришел? Молодец! Радостную весть легко нести. Летишь — ноги земли не касаются!
— Вам кто сказал?
— О чем?
— Что Ашир Тазегуль любит. Айхан?
— Глядите-ка на него! Да кто ж этого у нас в селе не знает.
— Доносчик! — крикнул Илли и выбежал из дома. Айхан следом.
— Не подходи ко мне, трепло!
— Ей-богу, не говорил.
— Не говорил, а все уже знают.
— Хлебом и солью клянусь!
Илли не знал верить ему Айхану или нет. В глазах у него блестели слезы, губы дрожали, он едва сдерживался, чтобы не разрыдаться.
— Что такое, Илли-джан? У тебя брат женится, все село этому радо, а ты плачешь. Не годится так, дорогой! Не стойте, бегите

и всех-всех зовите на той.
Илли, не в силах больше сдерживаться, убежал, чтоб никто не увидел, как он плачет.
— Что с ним, Айхан? — Айхан пожал плечами. — Ладно. Ты, сынок, беги. Помоги Сенем-эдже. Надо всех на свадьбу Ашира позвать.
— Не пойду! — покраснев как рак, прошептал Айхан. Глаза его наполнились слезами, и он побежал догонять Илли.
— Илли! Клянусь! Никому не говорил.
— Илли! Эй, Илли! Вы почему до сих пор здесь? — крикнула Сенем-эдже. — Я же тебе сказала: беги и скажи всем, что завтра у нас той.
— Не пойду! Никому не скажу!
— Что ж это получится? У Ашира на свадьбе гостей не будет, да?! Не вредничай, Илли!..
— Не пойду!
— Ну и сиди!.. Беги, Айхан, скажи всем людям…
— Нет!..
Им обоим очень хотелось, чтобы все-все узнали о том, что Ашир и Тазегуль любят друг друга, но, увы, они не могли этого сделать. Они же поклялись! Дали слово! Замок!

Этот день в Саганали начался свадебными хлопотами. В огромных казанах варилось мясо, зарезанных с вечера овец. Языки пламени вырывались из очагов, и словно бы давали знак прохожим: «Здесь сегодня праздник! Заходите! Будьте нашими гостями!».
Первым, еще ранним утром, прибыл из песков Хенек-багши. Обнаружив, что кроме него гостей пока нет, он поначалу растерялся, но виду не подал. «Ничего, люди постепенно соберутся!» — сказал он встречавшим его, расчехлил свой дутар и негромко запел.
Вообще-то в Саганали не принято ждать на свадьбу специального приглашения. Как можно не прийти на такой праздник?!
Только двое саганалинцев на этот раз были в стороне от предсвадебных хлопот, которые охватили все село. Они и на свадьбу не пошли! Ушли за село, взобрались на Воровской холм и сидят там обиженные на весь мир. Будь их воля, погасло бы пламя в очагах, у Хенека-багши порвались бы струны на дутаре

и, вообще, — не было бы этой свадьбы!
Но одного их желания мало!.. Звукам музыки, песням, смеху и веселым окрики людей, занятых подготовкой свадьбы, уже тесно в Саганали, и выплеснувшись за пределы села они долетели до Воровского холма, где спрятались от всех Айхан и Илли.
Как замечательно поет Хенек-багши!
Как задорно смеются люди! Только, интересно, над кем это они смеются?
Илли сидит с несчастным видом, низко понурив голову и прикусив нижнюю губу. В глазах у него стоят слезы, готовые вот-вот покатиться ручьями по щекам. Он едва сдерживается, чтобы не разрыдаться.
Ближе к полудню все село оглушили гудки автомобилей из свадебного кортежа. Куда это, интересно, они мчатся, если Тазегуль и Ашир соседи! Нет, что за свадьба без них! К тому же принято, чтобы молодожены возложили цветы к памятнику погибшим на войне односельчанам.
Вот, слышите, гулко ударил бубен. Это Айджан-эдже, мама Айхана. Лучше нее никто не может играть, хотя, кажется, велика ли хитрость — бей себе на здоровье. Но это не так: играть на бубне — настоящее искусство.

Берем невесту, берем!
Для Ашир-джана невесту берем!
Самую лучшую берем!..

Вот и вся ее песня. Раз за разом повторяет эти слова Айджан-эдже. В конце концов Илли это надоело.
— Ну и заладила одно и то же: берем-берем, берем-берем!.. Взяли уже! — Илли покосился на Айхана. — Предательница твоя мама.
— Мою маму не трогай. Она ни при чем! Это все Ашир. Ашир твой предатель!
Илли долго молчал, обдумывая слова Айхана. Не так-то просто решить, кто большепредатель. Наконец он чуть слышно произнес:
— Тазегуль тоже предательница.
— Еще какая! — тотчас поддержал Айхан. — Сама же говорила, что

любит тебя.
— Я теперь домой не пойду, — сказал Илли.
— А где жить будешь? — поинтересовался Айхан.
— У вас, — ответил Илли и посмотрел на Айхана, словно хотел прочитать его мысли.
— Живи! — согласился Айхан.
Но Илли уже передумал.
— Не буду я у вас жить. Вон, как твоя мама распелась: берем-берем, берем-берем. Пусть!.. Пусть берет! Пусть и учителку нашу возьмет в придачу!
— А где спать будешь?
— Здесь!
— А если джин Хет-Хет прилетит?..
Илли посмотрел по сторонам, точно в поисках убежища. Но во все стороны от Воровского холма разбегались только ровные, как ладонь, хлопковые поля. Вдоль арыка с лопатой на плече шел поливальщик Кертик-ага. Илли всегда не нравился этот толстяк, а сегодня, когда весь мир ополчился против него, особенно. Презрительно скривив губы он сказал Айхану:
— Неужели Кертик-ага тоже кого-нибудь любит?
Айхан отозвался сразу, точно давно уже ждал этого вопроса:
— Любит, любит!
— А ты откуда знаешь?
— Я сам слышал, когда Кертик-ага по телеку выступал.
— И кого же он любит, — осведомился Илли со скепти¬ческой ухмылкой на губах — разве такому толстяку могут быть доступны высокие чувства?!
— Труд, сказал, люблю, хлопок наш белоснежный да еще старый свой кетмень…
— Так и сказал?
— Я своими ушами слышал!
— И про лопату?
— Честное слово.
— Может быть он с ней и обнимается? — Илли улыбнулся.
— И целуется! — подхватил Айхан.
Илли встал и кулаком размазал по щекам слезы.
— Смотри, Кертик-ага идет в обнимочку со своей любимой!

— Э-э, Кертик-ага! Обнимите ее покрепче!
— Кертик-ага, поцелуйте ее разочек!
Услышав свое имя, Кертик-ага задрал голову и посмотрел на вершину холма. Он видел, что там, дурачась, скачут и размахивают руками какие-то мальчишки. Но, чьи они, разглядеть не смог. Только улыбнулся веселым мальчишкам и одобрительно покачал головой.
Пока ты мал, тысячи занятных мелочей окружают тебя, и каждая из них может доставить тебе радость, вызвать смех, подарить улыбку. Они помогают забыть о всех неприятностях и невзгодах! Куда эти милые пустяки исчезают с годами? Почему от взрослых они разбегаются, словно пугливые джейраны при виде охотника?..

Powestler